

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

Человек есть усилие быть человеком...

(Рецензия на книгу издательства «Канон+»)

Аннотация. Рецензия посвящена книге известного ученого Роджера Смита. Автор монографии защищает статус философской антропологии, которая, как он поясняет, находилась в опале. Опираясь на многочисленные труды философского, естественнонаучного и гуманитарного знания, он последовательно выстраивает учение о человеческой природе. Избранная им позиция потребовала актуализации многих источников по философии, биологии, психологии, социологии, педагогике. В итоге сложилась целостная концепция Р. Смита, который настаивает на принципиальном различии естественного и гуманитарного знания, на базовом характере понятия «человеческая природа». Выдвигая принцип самосозидания человека, Р. Смит связывает его с историческим познанием. Он показывает, что человек есть то, что выстраивает из него история.

В рецензии использованы методы историко-философского анализа, позволяющие проследить летопись философско-антропологического знания. Применен также герменевтический метод понимания в его отличии от познания. Использован аксиологический подход, дающий возможность определить значение смыслов и ценностей.

Новизна статьи - в аналитическом разборе обстоятельного и глубокого исследования Р. Смита. Автор рецензии включается в дискуссию о содержании понятия «человеческая природа» и «человеческая сущность». Проанализированы два направления в современной философской антропологии - новый натурализм и социологизм. Определены горизонты философской антропологии.

Ключевые слова: философская антропология, психология, социология, педагогика, человеческая природа, бытие человека, природа, естествознание, социальность, ценность.

Смит Роджер. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с. (тираж 1000 экз.).

В современной философской антропологии противостоят друг другу две тенденции. Часть исследователей полагают, что только биология способна определить основные признаки и достоинства человека. Без глубокого изучения природы этого существа невозможно понять его специфику, его особость. Разумеется, он выделяется из природного царства, но вовсе не становится при этом особым родом сущего. Это находит свое отражение в проекте так называемого нового натурализма. Достижения естественных наук преобразуют знание о человеке. Другая тенденция связывает толкование человеческой природы с достижениями структурной антропологии и лингвистики, полагая, что «специфически

человеческое» невозможно понять из достижений биологии. Оно раскрывается в тайнах социальности, в символических образованиях.

Сопоставление различных философско-антропологических концепций может провести еще по одному критерию. Некоторые современные исследователи склоняются к мизантропологии. «Главный вопрос в том, - пишет, к примеру, Д.И. Дубровский, - как изменить негативные свойства природы человека: неумное потребительство, агрессивность к себе подобным, чрезмерные эгоистические устремления - в них источник наших глобальных проблем»¹. Здесь обсуждаются, по

¹ Дубровский Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. М., 2014. С. 189.

сути дела, два варианта возможных варианта будущего развития. Один состоит в том, чтобы изменить биологическую природу человека путем реконструкции в его геноме. Другой – в том, чтобы добиваться воплощения разума и личности через антропотехнологические трансформации.

Философы этой ориентации предлагают на основе эволюционного трансгуманизма освободить людей от болезней, страданий, алчности и смерти. Напротив, другие авторы полагают, что без страданий и глубоких эмоциональных состояний человек утратит свою сущность. Он превратится в животное, в котором стерто все земное, текучее, самобытное.

Тема эта – давняя. В диалоге Платона «Горгий» Сократ также обсуждает два варианта жизненной стратегии. Первый связан с тем, чтобы уклониться от страданий и смерти. Второй – оставить человеку бытие со всеми его земными тяготами, но избежать несправедливых поступков. Сократ доказывает, что первый путь разрушителен, вредит душе человека и отсекает его от дружбы, так же, как и от свободы.

Книга Р. Смита является заметным явлением современной философской мысли. Автор – историк науки с международной известностью. В своем исследовании он затрагивает самые различные аспекты философского постижения человека. Что значит «быть человеком» и какого рода науки должны изучать человеческое? Эта проблема, как сказано в аннотации, обсуждается в книге на междисциплинарном уровне – как научная, философская и историческая. В ней рассматривается, как возникает определенное понимание человеческой природы и какими могут быть альтернативы биологическому взгляду на человека. Р. Смит показывает, почему знание о человеке не сводится ни к данным биологии, ни к религиозным верованиям и должно основываться на истории. Он анализирует самый широкий круг вопросов истории, философии и науки с XVIII в. до наших дней, отдавая сложности и многообразию знания о человеке.

Попытка автора изложить историю философско-антропологического постижения человека заслуживает признания. Историческое знание, согласимся с автором, фундаментально для человеческого самопонимания. Оно позволяет нам увидеть «человеческое» как процесс созидания человеком самого себя, идущий из прошлого и

продленный в будущее. Самосозидание человека становится возможным благодаря рефлексивному кругу мысли и действия.

При первом приближении все в этой постановке вопроса правильно. Человек действительно обладает открытой природой и находится в авантюре собственного саморазвития. Однако допустимо ли отождествлять становление человека и постепенное обогащение мысли о нем? Это, судя по всему, разные процессы. Нам легко допустить, что мучительно накапливаемые знания о человеке на протяжении многих веков на самом деле во многом не имеют ничего общего с самим объектом философской рефлексии. Не исключено даже, что постижение человека, несмотря на очевидные достижения аналитических выводов, зашло в тупик. Есть ли у нас очевидные критерии, которые позволяют нам думать, что мы постепенно приближаемся к разгадке человеческого существа? Не допустить ли, что в самом процессе изучения человека возникали невероятные допущения, так называемые ошибки мысли или откровенные разочарования? Выстраиваются ли в одну линию взгляды, в рамках которых человек рассматривается как богоподобное создание, наделенное разумом, нравственностью и трансцендентным чувством и тотальное разочарование в человеке в русле мизантропологии?

Еще один вопрос, который требует прояснения. В книге развитие человека трактуется как самосозидание. Но это, судя по всему, противоречит христианскому взгляду на человека, который является образом и подобием Бога. Допустимо ли сразу при постижении человека сразу отсечь мысль о каком-то внешнем вмешательстве в судьбу этого живого существа? Разве в истории философии такое предположение выглядит абсурдным? Если А. Шопенгауэр полагает, что человек рождается с нравственным сознанием и трансцендентным чувством, то предложенный ход анализа не является неожиданным и скандальным. В конце концов, казалось бы, совершенно недопустимая мысль о панспермии как источнике жизни на Земле, уже не выглядит фантастической.

Но в постановке этого вопроса есть и продолжение. Если человеческая природа есть продукт самосозидания человека, тогда вопрос о конструировании человека, который вынашивают трансгуманисты, лишается метафизической напряженности. Между тем наиболее пронизательные мысли-

тели с тревогой обсуждают трансгуманистические проекты. Энтузиасты этих проектов полагают, что в ходе кибернетической (кибер-культурной, кибер-социальной) эволюции будет осуществлен перенос сознания и личности на небиологический носитель. Такое отречение от биологической формы жизни, разумеется, ошеломляет. Возникает вопрос о том, может ли человек взять на себя функции верховного существа. Эрих Фромм одну из своих работ назвал «Будьте как боги». Он имел в виду духовное совершенствование человека. В контексте современных грез о кибернетическом бессмертии рождается другой слоган – «Будьте богами».

Итак, мы возвращаемся к прежнему вопросу: может ли человек радикально трансформировать свою природу, тотально переиначить себя и, таким образом, утвердить триумф самосозидания. Однако в размышлениях самих энтузиастов конвергентных технологий рождается еще один парадокс. С появлением человека на Земле катастрофы и кризисы не пошли на убыль, а, наоборот, участились. Теперь нам внушают идею о том, что в Мегагалактике существуют строгие правила существования планет. На некоторых из них воплотились другие, не такие, как на Земле, сценарии развития. В результате некоторые «несчастные» планетные тела выпали из универсального эволюционного процесса. Этих космических неудачниц много. Здесь действует неумолимый закон борьбы за существование. Какое-то верховное начало утвердило такой порядок, при котором планеты должны в предельно насыщенный временной период реализовать нужный сценарий и опередить другие миры, в которых мыслящие существа не проявили расторопности, интеллектуальной отваги, и выйти на передовой рубеж космической эволюции.

В этой системе рассуждение само понятие «самосозидание человека» оказывается сомнительным. Если люди действительно оказываются перед вызовом анонимных космических сил, которые принуждают их к эволюции и при этом не оставляют особых надежд на успех, то слово «самосозидание» обретает здесь парадоксальный смысл. Субъектом трансформации оказывается здесь не человек, а космические силы, а сам процесс преобразования человека не имеет вариантов. Он фатально совпадает с трансгуманистическими проектами.

Можно, разумеется, считать: «не исключено, что Земная цивилизация представляет собой один из немногих очагов прогрессивной эволюции, поднявшихся на столь высокую ступень самоорганизации»². Не хочется быть маловеком на фоне всеобщего ноосферного энтузиазма. Но некоторые вопросы все же возникают: о какой высокой ступени самоорганизации идет речь? Разве человечество может уже гордиться достигнутой формой социальности? Точно ли, что постмодернисты не раскрыли ущербность существующих способов коллективной жизни на Земле? Верно ли, что на Земле воцарился Разум, о котором грезили фантасты? В минувшем столетии писатели высмеивали деятелей просветительской эпохи.

Было ли Просвещение эпохой разума? Говоря об этой эпохе, Стефан Цвейг подмечает, что эта сверхумная эпоха просвещенности полностью лишена всякой интуиции, кичливо тешилась разумом. «За сумеречным сознанием средневековья, благоговейным и смутно чающим, последовало поверхностное сознание энциклопедистов, этих всезнаек, — так по точному смыслу, следовало бы перевести это слово, — грубо-материалистическая диктатура Гольбахов, Ламетри, Кондильяков, которой вселенная представлялась интересным, но требующим усовершенствования механизмом, а человек — всего лишь курьезным мыслящим автоматом»³.

Цвейг, характеризуя просветителей, отмечает, что они были полны самодовольства, поскольку они уже не сжигали ведьм, признавали добрую старую Библию незамысловатой детской сказкой и вырвали у Господа Бога молнию при помощи Франклинова громоотвода. Просветители объявили нелепыми бреднями все, чего нельзя ухватить пинцетом и вывести из тройного правила. То, чего нельзя было математически проанализировать, они в бойком своем высокомерии признали призрачным, а то, чего нельзя постигнуть органами

² Назаретян А.П. Середина XXI века: загадка сингулярности // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. М., 2014. С. 17.

³ Цвейг Стефан. Франц Антон Месмер // Цвейг С. Собр. соч. в 7-и тт. Т. 6. М., 1963. С. 6.

чувств, не только непостижимым, но и просто несуществующим⁴.

Хотелось бы сегодня также обратить внимание на безоглядность трансгуманистических проектов. Их адепты упрекают своих оппонентов за то, что те будто бы обнаруживают косность сознания и не понимают очевидных выгод от тотальной трансформации человека. Они убеждены в том, что в киберпространстве само по себе исчезнет властолюбие, алчность, насилие. Несомненным благом окажется и размытая идентичность. Человек получит право на произвольное формирование виртуальных установлений имени, статуса, тела, психики, привычек. Читая такие проекты, невольно думаешь: а не имеем ли мы дело с бешенством базальной мозговой извилины?

Что касается позиции Р. Смита, то из его размышлений вытекает твердое «нет» биологизму. Биологический редукционизм сводится по существу к трем мотивам человеческого поведения: еде, размножению и доминированию. Для его сторонников загадка человеческой природы сводится либо к механизму работы головного мозга, либо к составу человеческого ДНК. Хотя Р. Смит и является специалистом по нейрофизиологии, но он убежден в том, что такое обсуждение человеческой природы является односторонним и в силу этого убогим.

Редукционизм неоднороден. Традиционный его вариант сводит сложные системы к простым, механическим. В другой, усложненной версии, редукционизм безосновательно рассматривает простые системы как всегда включенные в сложные. Это лишает данные частные комплексы их специфичности, они сразу толкуются по законам сложных систем без учета самостоятельности, оригинальности более простых феноменов, не являющихся просто лишь частью более общей системы. Редукционизмом обозначается тенденция сводить сложные феномены к простой сумме составных частей, которые считаются онтологически первичными единицами, имеющими причинный характер.

Разумеется, облюбленный Р. Смитом принцип историзма весьма продуктивен. Нет сомнений в том, что осмысливая историю знания о человеке, мы приближаемся к тому, что такое

⁴ Более подробно об этом: Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2011.

человек. Правда, с учетом уже высказанной мысли: да, приближаемся в целом, хотя, возможно, и отдаляемся от понимания самой этой природы. Но с пренебрежением к истории пора кончать. Современное междисциплинарное продумывание тех открытий, которые выстраиваются в некую историческую цепочку – благое дело.

Погружаясь в книгу Р. Смита, мне хотелось бы развести понятия «человеческая природа» и «сущность человека». В работе нашего коллеги они употребляются как синонимы. Он пишет: «Моя задача здесь - раскрыть связь различных представлений о том, что такое быть человеком, с исторически развивающимся знанием и, по ходу дела, сопоставить многообразные понимания сущности человеческого бытия, которые мы находим в естествознании, социальных и гуманитарных науках» (с.11). Р. Смит позиционирует себя как историка гуманитарных наук.

Человек обладает набором различных свойств – разумностью, социальностью, нравственностью. Их совокупность можно назвать «человеческой природой». Д.И. Дубровский пишет: «Понятие природы человека выражает комплекс устойчивых свойств социального индивида, которые воспроизводятся во все эпохи и у всех народов, что указывает на их обусловленность нашей биологической организацией. Эти свойства формируются на основе генетических факторов и варьируются под влиянием внешних условий – физических и социальных»⁵. Можно ли рассуждать о человеческой природе без учета биологии человека? Такой подход был бы неправомерен. Можно ли сводить человеческую природу к биологии? Нет, на уровне современного знания это невозможно.

Если человек рассматривается только как животное и относится к природному царству, то ни о каком самосозидании не может быть и речи. Что собственно изменилось в человеке за многие тысячелетия? Первобытный человек потенциально не уступает современному человеку ни в разуме, ни в вере, ни в возможностях сотворения человеческого мира. Интересно, что когда философы обсуждают

⁵ Дубровский Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. М., 2014. С. 188.

комплекс устойчивых свойств социального человека, то они избегают назвать эти самые свойства. Можно считать, что человеческая природа – это совокупность стойких, неизменных черт, общих задатков и свойств, присущих разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Раскрыть эти признаки — значит выразить человеческую природу.

Обладает ли человек некой неизменной константой или он постоянно преобразует собственное естество? Стабильна ли человеческая природа? Идея о том, что человек имеет определенную неизменную природу, поначалу не вызвала в истории философии конкретных дискуссий. Важно было угадать, что представляет собой эта природа. Человек многолик. Он не укладывается в однозначный образ. Человек проявляет собственные антропологические качества. То или иное антропологическое свойство (разум, вера, природность, деятельность, воображение) демонстрирует вариативность человеческих образов. Человек наделен всеми этими качествами (само собой разумеется, и многими другими), однако при оценке рождается как бы самостоятельный суверенный образ человека, располагающий собственным потенциалом.

Теперь важно уточнить: если человек обладает неизменной человеческой природой, то, как можно истолковать процесс самосозидания? Р. Смит ссылается на Д. Юма, который в середине XVIII в. пришел к убеждению, что в основных своих чертах человеческая природа остается неизменной. Он писал: «Общепризнано, что существует значительное единообразие в поступках людей всех наций и эпох и что человеческая природа всегда остается одинаковой во всех своих принципах и действиях... Человечество до такой степени одинаково во все эпохи и во всех странах, что история не дает нам в этом отношении ничего нового или необычного. Ее главная польза состоит лишь в том, что она открывает постоянные и всеобщие принципы человеческой природы»⁶.

Если «человеческая природа» имеет одно содержание во все эпохи, то как можно истолковать идею Дж. Вико о человеческих существах, создающих себя в историческом времени? Преображается ли человеческая природа или история просто-

просто раскрывает ее различные грани? Еще раз повторим вопрос: происходит ли преобразование человека в истории или мы получаем некое историческое знание о человеке, далеко не всегда адекватно отображающее человеческую природу? Скажем, каннибальство было приметой древних эпох. Но является ли он выражением человеческой природы. Сакральность была доминирующей чертой Средневековья. Означает ли это, что человек по своей природе нуминозен? Р. Смит пишет: «Писать о человеческом существе, значит, одновременно это существо конструировать» (с.32). Но что означает в данном контексте слово «конструировать». Оно имеет несколько значений: можно понимать данное слово как творческое созидание, но конструирование может пониматься и как самоцельное пересоздание.

Человеческая природа выражается через множество свойств. Но существует ли ценностная ранжировка этих достояний? Что важнее для человека разум или воображение, рациональность или вера, благо или зло? Все это заставляет воспринимать человеческую природу не только как устойчивую, но и как переменчивую. Однако где границы переменчивости человеческой природы? Какой ее признак предельно выражает человеческое естество, устранив который мы выйдем за пределы человека? Тот показатель, который выражает специфически человеческого, может называться сущностью человека.

Человек как особый род сущего живет в трех реальностях – природной, социальной и трансцендентной. Природность человека выражает его уникальность как биологического организма. Социальность раскрывает коллективные формы человеческого существования в социуме и истории. Трансцендентность окончательно вырывает человека из животного царства, погружая его в мир нуминозности.

К. Маркс, как известно, называл три фактора, которые возвышают человека над природой – способность к целенаправленному труду, сознательная деятельность и утвердившиеся формы социального бытия. Но ведь человек осваивает реальность и другими средствами, позволяющими ему преодолеть животность. Благодаря воображению человек создал искусство. Вера как человеческая возможность указала человеку на существование трансцендентности.

⁶ Юм Д. Исследование о человеческом познании // История философии в памятниках. Т. 2. М., 2009. С. 84.

Есть основания полагать, что трансцендентное чувство – самое драгоценное обретение человека. Оно обуславливает параметры духовности, поиска мира идеальных сущностей, божественной веры. Именно поэтому человек равно принадлежит двум мирам земному и небесному. Эта двуми́рность, по нашему мнению, и составляет сущность человека. Потомок Адама может трансформировать, преобразить собственную природу, стать киборгом, кибернавтом. Но устранение трансцендентности человека является тем пределом, за которым исчезает человек и рождается новое кибернетическое чудо.

Значительное место в книге Р. Смита занимают размышления о специфике «наук о человеке». Это весьма ценный материал. Именно благодаря трансцендентному чувству человеческое бытие обретает смыслы, аксиологическое измерение. Эти достояния человека и оказываются объектом острой критики со стороны таких сторонников натуралистического подхода к человеку, как Р. Докинз и С. Пинкер.

Вопрос о том, что значит быть человеком связан с экзистенциальным смыслом человеческого бытия. Человеческая природа представлена в отдельном человеке не полностью, а разрозненно. Есть индивиды, которые не располагают достаточными ментальными навыками, она в силу этого обладают минимумом сознания. Можно выделить асоциальность как неспособность или нежелание жить в социуме, развивать и обогащать собственные социальные связи. Есть особи, которые отвергают нуминозность во всех ее вариантах.

Не просто быть человеком по тайне рождения. Человек есть усилие быть человеком. Только в таком варианте он может выделиться из животного царства. Животные обладают проблесками сознания. Коллективные формы жизни, которыми они располагают, подчас гораздо практичнее и эффективнее, нежели социальная организация людей. Животные могут догадываться, что за их природным существованием, есть какой-то иной мир. Но только человек способен раскрыть потенциал всех этих человеческих достояний.

Размышления Р. Смита о «науках о человеке» весьма содержательны. Он весьма основательно разбирает вопрос о том, что такое «природа», «культура». Он пишет: «Вся человеческая деятельность от языка до закона, от поппы до политики есть продукт человеческой природы. Именно эту

деятельность мы называем расплывчатым словом «культура» (с.36). Весьма значимы выводы Р. Смита о различии естественных и гуманитарных наук. Обратим внимание и на следующее положение из монографии: «Человек как предмет исследований не является раз и навсегда данным; границы этого предмета нам неведомы» (с.42). Отсюда весьма ценная постановка вопроса – «Что может быть предметом изучения в исследованиях «человеческого»?»

Раскрывая эту тему, Р. Смит ставит весьма содержательные вопросы: «Способствует ли выживанию человека то, что мы понимаем под истиной, - например, соответствие знаний человека об окружающей среде самой этой среде? Должны ли мы считать «благом» то, что на деле позволяет организму произвести на свет как можно больше себе подобных? Не правильнее ли будет считать оценочные суждения человеческими, исторически определенными действиями?»

Успехи нейронауки создали сегодня благоприятную почву для редукционизма. Например, психика человека лишь крайне условно может отождествляться с сознанием. Рационалистическая активность человека не ухватывает способности человека к воображению, к эмоциям. Поэтому утвердилась особая дисциплина – психология, изучающая психические процессы. Однако исследователи человеческого мозга полагают, что именно различные участки мозга напрямую порождают различные ментальные, эмоциональные и волевые процессы. Следовательно, наука вот-вот найдет материальное решение проблемы сознания. Теперь уже и философы (Поль Черчленд, Оуэн Фленаган) утверждают, что умственные процессы суть не что иное, как мозговые процессы. Таким образом, по их мнению, любые упоминания о психике будут устранены. Их место займет Понятие мозга, и тогда вопрос о рефлексии сознания станет вопросом о состояниях мозга.

Следует отметить и размышления Р. Смита об идентичности. Чисто биологический взгляд на человеческую идентичность вызвал полемику. Например, структурализм середины XX века был задуман как поиск формально-темпоральных отношений между базовыми (умственными, лингвистическими, культурными) основаниями человеческой деятельности. Р. Смит отмечает, что это небиологическое направление оказало большое влияние на лингвистику и социальную антропологию (с.57).

Произошел «антропологический поворот». Вслед за Кантом философские антропологи стремились преодолеть оппозицию детерминизма и свободы, чтобы понять условия человеческого существования, заставляющие нас представлять события как либо детерминированные, либо свободные.

Р. Смит отмечает, что немецко-язычные философы-антропологи считали «дух», или, в крайнем случае, способность целеполагания, принципом действия одновременно в органическом и человеческом мирах. Согласно Фуко, науки о человеке появились только в современную эпоху, и только в эту эпоху они могли появиться. Лишь в конце XVIII в. появился тот тип рефлексии, в котором человек делает себя как субъектом, так и объектом исследования. Эта рефлексия, ее систематическое осуществление, формирует науки о человеке.

Очерк истории антропологических учений, изложенных Р. Смитом, отличается от других аналогичных описаний и анализов, выполненных М. Бубером, В. Дильтеем или Э. Кассирером. Руководящим принципом здесь служит, собственно, не воссоздание философско-антропологической мысли, а оценка различных достижений «наук о человеке». Именно поэтому, кроме В. Дильтея и М. Фуко, речь идет о таких именах, как Хоннет и Йоас. Эти авторы, как показывает Р. Смит, представляли себе антропологию как гуманизацию природы, интеграцию знаний о природе с моральным знанием о человеческой культуре (с.91).

«Антропологическую катастрофу» автор замещает другим заголовком – «Философская антропология в опале». Он полагает, что это произошло постольку, поскольку философские антропологи зашли в тупик, так как традиционно верили в некую человеческую сущность (будь то разум или свобода) и то же время разделяли тезис об исторической уникальности людей и их действий.

Да, после работ Фуко возникли разнообразные проекты конструирования человека. Различные гуманитарные науки пытались дать окончательное определение человеку. Здесь автор целую главу посвящает рефлексивному знанию. Он хотел бы показать, как знание о «человеческом» способно изменить природу самого человеческого. По мысли Канта, именно способность к рефлексии является для нас врожденной. Но способна ли саморефлексия давать объективное знание о человеке в той же мере, как это происходит в наших знаниях о

физическом мире. Теоретически рефлексия способна к саморефлексии, к рефлексии по поводу себя самой.

Р. Смит отмечает, что в ранней западной мысли отсутствовало представление о «чистом» и «прикладном» знании. Позже сложилось и закрепилось это различие. Автор подчеркивает, что начиная с античности и вплоть до нашего времени принято думать, что самопознание представляет собой путь к самоизменению. В наши дни произошло развенчание религиозного и гуманистического представления о Я, как единого центра личности. Теперь индивид оказывается перед возможностью выбора между многочисленными «Я». Фуко представил историю в виде сдвигов, происходящих внутри парадигм власти, языка и практики. «Таким образом, - отмечает Р. Смит, - критика философской антропологии солидаризировалась с переосмыслением между технологией и познанием, в результате чего было поставлено под сомнение понятие сущности человека как нечто противоположное рефлексивному кругу познания и бытия» (с.107). Касаясь темы саморазвития, мы получаем уже некоторое разъяснение. Культура создана человеком, но она одновременно сама создает человека. Отметим, что представление о культуре как творении человека и его творце не является новостью для отечественной философии культуры⁷. К слову сказать, Р. Смит нередко возвращается к работам К. Маркса. Но многие из затронутых им сюжетов, например, о деньгах в аспекте различения существенного от несущественного, неплохо исследованы в советской марксистской литературе.

Во второй половине XIX в. исследователи, которые рекрутировались в психологию, как, скажем, В. Вундт отвергли смешение субъекта и объекта. Они надеялись, что экспериментальные данные помогут описать такие душевные состояния, которые не ухватываются интроспекцией. Критики такого подхода были убеждены в том, что невозможно получить объективные описания состояний души. Так, получили распространение представления о психологии как науки о стимулах и реакциях на них. В середине минувшего столетия социологи и психологи сочли объективистскую методологию обязательной для этих дисциплин.

⁷ См.: Гуревич П.С., Палеева Н.Н. Философия культуры. М., 2014.

Однако представление о рефлексивном характере данных наук не укоренилось в них. Но однако многие считают, что знание о людях не может быть нейтральным. В частности, работает «комплекс Эдипа», который позволяет сбываться едва ли не любому предсказанию. Может быть, допустимо такое понимание человека: это животное, которое само себя определяет...

Р. Смит пишет о том, что, согласно Фуко, сам вопрос о том, что значит быть человеком, предполагает удвоение сущности как субъекта, так и объекта познания. Мне нравится, как автор монографии описывает эти парадоксы. Сегодня невозможно утверждать истину в качестве порождения чистого познающего *cogito*. В то же время люди не могут познавать себя в качестве частей природы, лишенных сознания. Мы не обладаем трансцендентной истиной, но не имеем основания считать себя детьми природы, лишенные рефлексии (с.115).

В монографии показано, как с 80-х годов минувшего столетия начался знаменитый поворот к натуралистическому пониманию сознания, языка и культуры. Вновь возникла вера в естествознание. Особую роль обрели биология и нейронаука. Сложилось убеждение, что в результате развития науки произойдет вытеснение повседневного языка или психологии для объяснения вопроса о том, почему люди делают то, что они делают.

Сегодня многие исследователи убеждены в том, что толкование сознания и культуры возможно только через познание мозга. «Каковы бы ни были действительные успехи эмпирических нейронаук, мы все же вправе утверждать, что искомым нами понимание такого объекта, как человек, фундаментальным и нередуцируемым образом связано со смыслами, ценностями, социальными правилами и обеспечиваемой языком способностью к самовыражению» (с.154).

Позиция Р. Смита состоит в том, что нет возможности определить «человеческое» только в терминах анатомии или физиологии. Чувствует и мыслит не мозг, а человек. Автор монографии много внимания уделил В. Дильтею, который по праву числится в данном труде как исследователь феномена «человек». Как известно, для Дильтея основное различие между естественными науками и науками о сознании заключалось в том, что естественные науки занимаются объяснением, а науки о сознании – пониманием. Р. Смит показывает, что дебаты по поводу объяснения и пони-

мания как двух форм познания возобновились в 60-70-е годы минувшего столетия в англоязычной литературе.

По словам Э. Кассирера, человек в истории всегда возвращается к самому себе – он пытается вспомнить и актуализировать целостность своего прошлого опыта. Поэтому для понимания и истолкования символов нужно разработать иные методы, чем те, которые используются при выяснении причин. Анализируя концепцию Г. Гадамера, Р. Смит подчеркивает, что притязания естественных, психологических и социальных наук на постижение истины с помощью объективных методов разрушают западную традицию искать истину с помощью философского, исторического и эстетического разума. Отличительной чертой наук о человеке, или гуманитаристики, оказывается способность этих наук помыслить новую форму познания, отличную от формы естественных наук.

Предназначение гуманитаристики состоит в прояснении смыслов. Ее ценность не определяется приростом объема знания о природе и обществе. Наследие Гадамера свидетельствуют о полной невозможности отделить обсуждение наук о человеке от фундаментального вопроса о «человеческом».

Несомненную ценность в монографии представляет глава об историческом познании. Р. Смит утверждает, что ученые, начиная с Вико и кончая Гадамером, подчеркивали, что «человеческое» создается исторически. Речь идет об историческом повороте в науке. Историки сами решают, что имеет значение. Так события и действия помещаются в повествование. Условия объективности исторического знания те же самые, что и в любой герменевтической деятельности.

Итак, природа человечества – самосозидание в ходе исторического времени. «Сформулированный таким образом, взгляд этот находится в явном противоречии как с биологической, так и с религиозной точками зрения, согласно которым человеческая природа считается доисторической, возникшей либо в ходе эволюции, либо в акте божественного творения» (с.256). Р. Смит не устает повторять, что в любом учении о человеческой природе содержатся исходные допущения о том, что есть человек. С этих позиций автор монографии подвергает критике концепцию Р. Докинза «Эгоистичный ген». Он пишет: «Докинз взял два слова – «ген» и «эгоистич-

ный» - и стал обращаться с ними так, как если бы они являлись описанием вещей или состояний, существующих независимо от того, как пользуются словами люди, после чего соединил между собой слова, ранее относившиеся к двум не связанным друг с другом нарративам» (с.271).

Автор монографии постоянно подчеркивает, что современные естественные науки претендуют на исключительное обладание объективным и истинным знанием о человеческой природе. Несмотря на философские дебаты о проблеме «рациональность-релятивизм», Р. Смит не поддерживает ни ту, ни другую сторону и вообще не вступает в спор об абсолютной рациональности либо абсолютном релятивизме. Многие ученые считают, что естественные науки прогрессируют и развивают знание, а социальные науки и гуманитаристика – не обладает такими достижениями. Современная эволюционная психология стремится объяснить универсальные и устойчивые черты человеческой психики как результат действия естественного отбора на ранних стадиях эволюции человечества. По мнению автора монографии, можно вести речь не об отставании гуманитарных наук

от естественных, а о принципиальном разрыве между разными целями и формами жизни. Р. Смит убежден в том, что проблемы морали неотделимы от когнитивных проблем. Смыслы, значимость и ценности проистекают не из научного познания, а из исторической культуры. «Никто не собирается подвергать сомнению непревзойденную точность естественных наук. Но знание о том, что делает личность значимой, институт справедливым, истинностное утверждение убедительным, а мгновения чувственного восприятия прекрасными, - это знание имеет совершенно иной характер» (с.314).

Монография Р. Смита весьма ценна для российских ученых. Она энциклопедична, охватывает большой круг проблем и научных трудов. Книга хорошо структурирована, в ней последовательно развиваются идеи о специфике гуманитарного познания и о человеческой природе. Поражает широкий круг источников, на которые опирается автор монографии. Проследивая историю постижения «человеческого» в естественных и гуманитарных науках, Р. Смит вводит в пространство философской антропологии множество актуальных и значимых тем.

Список литературы:

1. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М., 2010.
2. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2007.
3. Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. М., 2012.
4. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. М., 2014.
5. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. М., 2012.
6. Гуревич П.С. Философское истолкование человека. М., 2011.
7. Гуревич П.С., Палеева Н.Н. Философия культуры. М., 2014.
8. Смит Р. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М., 2014.
9. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.

References (transliteration):

1. Girenok F.I. Autografiya yazyka i soznaniya. M., 2010.
2. Girenok F.I. Udovol'stvie myslit' inache. M., 2007.
3. Girenok F.I. Figury i skladki. M., 2012.
4. Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty: Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii. Belgorod, 11-12 aprelya 2013 g. M., 2014.
5. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2012.
6. Gurevich P.S. Filosofskoe istolkovanie cheloveka. M., 2011.
7. Gurevich P.S., Paleeva N.N. Filosofiya kul'tury. M., 2014.
8. Smit R. Byt' chelovekom: istoricheskoe znanie i sotvorenienie chelovecheskoi prirody. M., 2014.
9. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M., 2012.